

**You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: "Podpol'e" kak boleznennoe sostoânie duši

Author: : Irina Titova

Citation style: Titova Irina. (2017). "Podpol'e" kak boleznennoe sostoânie duši. W: J. Tymieniecka-Suchanek (red.), "Choroba - ciało - dusza w literaturze i kulturze" (S. 231-245). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

«Подполье» как болезненное состояние души

Ирина Титова | Силезский Университет

Стоит констатировать факт, что дух Федора Михайловича Достоевского присутствует в философском и художественном сознании XX века. Сегодня писатель воспринимается как создатель художественного образа, давшего благодатную почву для появления многих текстов XX—XXI веков. Наибольшее устремление к Достоевскому исследователи отмечают в постмодернистической литературе, объясняя это единой исходной позицией: иррациональностью действительности. Достоевский предвосхитил постмодернистов, описав кризисное сознание человека в мире-хаосе, в мире без Бога.

Частая обращаемость современных критиков и писателей к повести *Записки из подполья* (1864) объясняется прежде всего возможностью выявления в ней новых философских и поэтических смыслов. Созданный Достоевским образ подполья приобрел в последующей литературе мифологический статус. На данный момент существует достаточное количество исследовательских работ, посвященных рассмотрению повести *Записок из подполья* во взаимоотношающем диалоге с повестью Венедикта Васильевича Ерофеева *Москва-Петушки* (1969). Историки литературы указывают близость философской ориентации текста к некоторым мотивам Достоевского¹. Однако примеры обращения к этому произведению существуют и в мировой литературе.

В данной статье мы покажем особенности мировосприятия людей из подполья на примерах современной литературы, представленных романом *Москва-Петушки* Ерофеева и рассказом Ежи Пильха *Монолог из норы* (1996).

---

¹ Ср. тексты: С. Гайсер-Шнитман, Д. Мартина, В. Бачинина, М. Альтшуллер и др.

Образ подполья в творчестве русского писателя представляет собой метафорическое обозначение сложного психологического и поведенческого комплекса. По мысли Ромэна Назирова, подполье является «исходной ситуацией трагических мыслителей во всех больших романах Достоевского»². В романе *Преступление и наказание* (1866) Достоевский на примере Раскольникова покажет, что именно в подполье зарождаются наполеоновские идеи. Самого по себе слова подполье как обозначения душевного состояния не существовало до Достоевского. Писатель вводит его как метафору, опираясь на признаки подполья в его прямом значении, на чувства, которое оно вызывает и на ассоциации, с ним связанные. Само слово подполье несет в себе что-то скрытое, темное, холодное и сырое. Согласно толковому словарю Владимира Ивановича Даля³ оно обозначает простор или яму под полом. Слово, по мнению лингвиста, ассоциируется с чем-то плохим, нечистым и мистическим: «в сказках, в народном фольклоре, в сказаниях в подполье сидят остроголовые черти»⁴. В обиходе подпольем называют что-то неофициальное и запрещенное. Прилагательное подпольный употребляется также в отношении к искусству, литературе. Можно предположить, что мысли подпольного человека Достоевского тоже были в своем роде неофициальными, то есть непринимаемыми, отталкиваемыми другими людьми.

Выделим основные компоненты данного понятия, которые необходимы для дальнейшей работы.

В идеологическом плане образ подполья связан с обоснованием крайнего индивидуализма, в основе которого лежит обостренная реакция на отчуждение и метафизический протест против обезличивающей человека необходимости.

Психологически подполье представляет собой состояние, в котором герой сочетает в себе страх жизни и потребность в самоутверждении, «вековечную злость» и зависимость от чужого мнения, бесконечное самоуничтожение и претензию на значительность, аморальность и переживание трагизма собственного положения.

«Избыточность рефлексии» становится для человека такого типа роковой. Она словно наделяется сверхъестественными качествами и подчиняет себе его жизнь, требует острее чувствовать окружающее, заставляет занять оборонительную позицию.

---

² Р.Г. Назиров: *Наполеон из подполья*. В: *Творческие принципы Достоевского*. Саратов 1982. <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-ch5.php> [доступ: 22.01.2015].

³ В.И. Даль: *Подземный. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов) 1863—1866*. Москва 1998. http://az.lib.ru/d/dalx_w_i/text_0110.shtml [доступ: 5.02.2015].

⁴ Ibidem.

Видеть в «человеке из подполья» только грязное, ужасное, циничное, безобразное, гадкое, низменное, дегенеративное существо с явными признаками патологии было бы ошибкой. Весь цинизм и все безобразие это напускные и доставляют больше страданий самому подпольному человеку:

Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек. [...] Главный мученик был, конечно, я сам, потому что вполне сознавал всю омерзительную низость моей злобной глупости, в то же время никак не мог удержать себя [...]⁵.

Его зловредность можно принять за экстравагантное баловство, кривляние, которым он придает, чтобы отвлечь свое сознание от угрызений совести и утешиться. Однако очередные случаи баловства вызывают еще более ощутимые и навязчивые угрызения совести и побуждают проказничать вновь и вновь, чтобы их заглушить. Такая ситуация напоминает психологическое рабство, которое доводит до отчаяния. А если добавить к этому ясное осознание своей лишности, бессмысленно проживаемой жизни, прозябание при таких возможностях души и ума, то причины всепоглощающего раздражения, нервности и злобы становятся понятны.

Появление в русской литературе в конце XX века такого героя как Венчик из романа *Москва-Петушки* привлекло внимание читателей и вызвало много споров у критиков. В свое время *Записки из подполья* произвели подобный эффект в оценке современников. Объясняется этот феномен прежде всего тем, что, несмотря на временной разрыв, оба произведения очень близки по своей идее. Они не только автопортретны, исповедальны, в них показана обнаженная душа человека — его самосознание, восприятие им реальной действительности. Невозможно не заметить жанровой аналогии: в обоих текстах доминирует образ внутреннего подполья, что позволяет определить жанр авторепортажа из самой глубины человеческого естества.

Концепцию Достоевского, которую продолжил Ерофеев, затрагивает в своем тексте *Монолог из норы* (1996)⁶ польский писатель Ежи Пильх. В названии производится прямая отсылка к первоисточнику. Образ подполья переносится в произведение польского писателя.

⁵ Ф.М. Достоевский: *Собрание сочинений в 10 томах. Произведения 1862—1869 годов*. Ред. Г.М. Фридлиндер, Н.Ф. Будановой. Т. 4. Москва 1956, с. 135.

⁶ Е. Пильх: *Монолог из норы*. Пер. К. Старосельская. «Иностранная литература» 1999, № 1. <http://magazines.russ.ru:81/inostran/1999/1/> [доступ: 20.04.2014].

У обоих авторов герой — это человек, обнажающий свою психику при помощи своеобразного диалога. Только в романе Достоевского с воображаемым собеседником, у Пильха же — с телевизором. Такие формы коммуникации, по сути, являются монологами в диалогической форме. Основной причиной этому является кривляние обоих героев: не имея собеседников, они заботятся о слоге, об утонченности излагания своих мыслей. Причем, если герой Достоевского пишет свою исповедь «единственно только для показа, потому что так легче писать»⁷, то Пильх усиливает кривляние посредством «вербальных действий» своего героя:

[...] он пьет за здоровье телевизора, ссорится с телевизором. Даже в тех случаях, когда может показаться, будто он обратился к кому-нибудь или чему-нибудь другом, он обращается к телевизору... поглядывает на часы, указывает пальцем верх или вниз, впадает в состояние притворного умиления или непритворной ярости, поет, приводит сам себе резонные доводы и т.д. и т.п.⁸

Разговор героев свидетельствует об их образованности: если в романе Достоевского парадоксолист рассуждает о влиянии философии позитивизма и утопического социализма, оперируя тезисами и понятиями, близкими в отдельных случаях к философским идеям Иммануила Канта, Артура Шопенгауэра, Макса Штирнера, герой Пильха свидетельствует о своей начитанности, указывая при этом на свою любовь к русской литературе (Достоевскому, Ерофееву, Андрею Платонову).

Апеллируя в своем *Монолог* к Достоевскому, герой высказывает важную мысль, которая не позволяет полностью отождествлять его с подпольным человеком: «я вовсе не пытаюсь выставить себя таким несчастным страдальцем, не похваляюсь ребяческим пессимизмом, школярской убежденностью в бессмысленности жизни, не упиваюсь безнадежностью. Я не выворачиваю перед тобой своего почерневшего от несбывшихся надежд нутра и не заставляю Тебя восхищаться его содержимым»⁹. Герой Пильха порожден человеком из подполья, но не тождественен ему. Его поведение и убеждения позволяют говорить о сходстве с Веничкой — героем Ерофеева.

Подполье — элемент, объединяющий этих троих героев; это неотъемлемый атрибут внутреннего «я» для каждого из них. Каждый ведет свой репортаж не только из подполья собственной души, но и из огромного социального подполья современности.

⁷ Ф.М. Достоевский: *Собрание сочинений в 10 томах. Произведения 1862—1869...*, с. 166.

⁸ Е. Пильх: *Монолог из норы...*

⁹ *Ibidem*.

Необходимо начать с того, что социальное положение каждого характеризуется отдаленностью от общества, причем не просто отдаленностью, а социальным дном. Парадаксолист Достоевского проживает в нищете, добровольно оставив службу, Венечка беспробудно пьет, уволенный с работы из-за «[...] внедрения порочной системы индивидуальных графиков», герой Пильха также не смог найти своего призвания в медицине, хотя его и «тянуло к литературе». Каждый из них «ничем не сумел сделаться»¹⁰. Важную мысль для анализа текстов высказывает Венечка:

[...] о, если бы весь мир, если бы каждый в мире был бы как я сейчас, тих и боязлив и был также ни в чем не уверен: ни в себе, ни в серьезности своего места под небом — как хорошо было бы! Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! — всеобщее малодушие. Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы мне прежде показали уголок, где не всегда есть место подвигам. «Всеобщее малодушие» — да ведь это спасение ото всех бед, это панацея, это предикат величайшего совершенства! А что касается деятельного склада натуры...¹¹

— подтверждает мысль подпольного человека о том, что «[...] умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак»¹².

Социальное положение в определении сущности этих героев играет большую роль. Подпольный человек как бы вбирает в себя низкий социальный статус маленького человека, а также болезненный избыток рефлексии лишнего человека (указанные типы героев широко распространены в русской литературе XIX века). В итоге перед нами возникает абсолютно новый тип героя — можно назвать его «говорящий Башмачкин» — социально приниженная личность, страдающая от своего социального положения и (что принципиально отличает его от «маленького человека») восстающая против обезличивающих ее условий общественной жизни. Терзания от рефлексии, которые роднят подпольного человека с лишним, лежат в зеркальных плоскостях: лишний страдает от осознания того, что идеал (чаще всего романтический), через призму которого он смотрит на жизнь, весьма далек от реальной действительности. Подпольный же развенчивает этот идеал, так как смотрит на него через призму реальной действительности, в которой не видит ничего положительного и понимает, что бессмысленно к нему стремиться, ибо он недостижим. В анализе персонажей указанных текстов важную роль играет образ подполья: это

¹⁰ Ф.М. Достоевский: *Собрание сочинений в 10 томах...*, с. 135.

¹¹ В.В. Ерофеев: *Москва-Петушки*. Москва 1990. <http://www.e-kniga.ru/Erofeev/moskva0.html> [доступ: 20.05.2014].

¹² Ф.М. Достоевский: *Собрание сочинений в 10 томах...*, с. 135.

уже не прекрасный, идеальный мир мечты героя-романтика: это темный угол, который дает возможность погружения «[...] в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость». Герой, обитающий в подобном пристанище — это уже не безмолвный Башмачкин, а человек с социальных низов, выставляющий напоказ свои мысли и чувства, обнажающий свое подполье. Главное же отличие лишних людей от подпольного человека, подчеркнул сам Достоевский, констатируя, что у первых есть альтернатива: они еще могут перестать быть лишними, так как у них «есть прекрасные примеры», как надо жить, тогда как людям, подобным парадоксалисту не позволяет измениться «[...] трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!»¹³.

Отчуждение от общества, которое предстает во всех трех текстах не только в социальном, а прежде всего в психологическом и духовном смысле, объясняет одну из причин ухода в подполье. Здесь герой Пильха стоит ближе к подпольному человеку, так как окружающий мир у обоих героев сужается до пределов угла, скорлупы, футляра, где они в своем социальном одиночестве погружаются в тяжелые мысли. Веничка же, не имея возможности остаться в «[...] социальном одиночестве, от которого тихо дичала душа Подпольного господина»¹⁴, погружается в душевное подполье. Его угол и скорлупа — это рюмка.

«Слишком сознавать — это болезнь, настоящая, полная болезнь»¹⁵: осознание этого утверждения не только объясняет стремление уйти в подполье, но и показывает, что люди с подобной чувствительностью не только не могут найти себе места в официальном мире, но и вправе судить других, так как их духовное превосходство и образованность позволяют разглядеть истинную действительность из «[...] недр своих потрохов, со дна своего черепа, из темницы своего тела»¹⁶, сквозь призму душевного подполья.

Обратим внимание также на потребность в унижениях и падениях, о которой с необъяснимым удовольствием рассказывают герои. Потребность в унижении присутствует у подпольного человека, когда он входит в трактир в надежде быть выброшенным из окна; удовольствие, подобное

¹³ Ф.М. Достоевский: *Материалы и исследования*. Ред. А.С. Долинин. Т. 18. Санкт-Петербург 2007, с. 135—142.

¹⁴ В.А. Бачинин: *Петербург — Москва-Петушки, или «Записки из подполья» как русский философский жанр*. <http://www.venedikterofeev.ru/ll-ar-autname-1001/> [доступ: 29.09.2014].

¹⁵ Ф.М. Достоевский: *Собрание сочинений в 10 томах...*, с. 136.

¹⁶ Е. Пильх: *Монолог из норы...*

пощечине и зубной боли, испытывает Веничка при грубом выдворении его из привокзального ресторана; своеобразный «омут покупок»¹⁷, которые совершает герой Пильха, является не только средством облагораживания подполья, но и увековечиванием «памяти о падениях». Подобное действие тоже можно рассматривать как самобичевание, самоказнь. Герои различными способами не только не избегают унижений, но и специально стремятся к ним, подтверждая тем самым парадоксальные с виду слова подпольного человека:

[...] ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслаждение возвращаться бывало в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротить, и внутренне, тайно грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконец, в какую-то позорную, проклятую сладость и, наконец, в решительное, серьезное наслаждение! Да, в наслаждение, в наслаждение! Я стою на том!¹⁸

Как замечает Константин Мочульский: «Это парадоксальное утверждение — настоящее психологическое открытие Достоевского. В сознании происходит подмена плана этического планом эстетическим. Унижение — мука, но слишком яркое сознание унижения — может быть наслаждением. Глядясь в зеркало, можно забыть о том, что отражается и залюбоваться тем, как оно отражается»¹⁹. Повышенная чувствительность, столь характерная для всех трех героев, смешивается с парадоксальной потребностью в падении, что не только подчеркивает извращения психики, но и является искаженным отражением эстетического наслаждения.

Желанный угол необходим для того, чтобы заниматься личными интересами и философскими раздумьями. Веничка предпочитает их внешнему миру с его политическими, культурными и научными заботами: янки он оставляет внегалактическую астрономию, немцам — психиатрию, испанцам — корриду, африканцам — Ассуанскую плотину, и, наконец, даже восклицает: «[...] пусть подавится Италия своим дурацким бель-канто, пусть!...». Герой Пильха в своих рассуждениях об ожидании, начинающимися словами: «Я так всю жизнь ждал...», говорит о своих бессмысленных упованиях на те, или иные события. Заканчивает же он словами: «[...] ждал, пока все это не полетит в тартарары»²⁰.

¹⁷ А. ОСИЕСКА: *Jama w jamie*. „Ex Libris” 1996, nr 96, с. 24.

¹⁸ Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ: *Собрание сочинений в 10 томах...*, с. 137—138.

¹⁹ К. Мочульский: *Гоголь. Соловьев. Достоевский*. Москва 1995. http://predanie.ru/lib/book/read/83149/#ТОС_id2608035 [доступ: 19.05.2014].

²⁰ Е. Пильх: *Монолог из норы...*

Эти реплики героев напоминают следующие слова подпольного героя:

Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить²¹.

Отрицательное отношение к внешнему миру и проявление индивидуализма находит свое явное отражение в прозе Ерофеева и Пильха. Но в данном случае мы не можем полностью отождествить подпольного человека с Веничкой, так как последний не отказывается от живого контакта с людьми и жизнью, его сердце открыто для любви, а в душе еще живут Петушки — место, способное спасти от тягот и тревог. В случае героя Пильха — это добровольный отказ от всяческих контактов (подтверждением этому служит в первую очередь своеобразный собеседник героя), который можно объяснить страхом перед жизнью. Однако и страх героев Достоевского и Пильха нельзя полностью отождествить, его характер различен. Как пишет Ромэн Гофанович Назиров:

Это вовсе не эгоцентризм сатанических героев романтизма, а страх перед жизнью, страусиное прятание головы в песок. Подпольный человек понимает свободу только как свободу от выбора, от обязывающих решений. На протяжении всего этого монолога он предельно унижает себя, но это самооплевывание — тоже эстетизирующая поза: «[...] потому что я самый гадкий, самый смешной, самый мелочный, самый глупый, самый завистливый из всех на земле червяков, которые вовсе не лучше меня, но которые, черт его знает отчего, никогда не конфузятся...». Он и здесь подчеркивает свою исключительность; унижаясь — возвышается²².

В его сознании присутствует установка на литературный эффект. Этическое и эстетическое находятся в остром противоречии в его подсознании. Каждый жест он совершает как литературный, не анализируя при этом этичность поступков. Все его действия направлены на зрителя и совершаются для зрителя. Подпольный человек зависит от чужой оценки. В его бунте против мира искренность сливается с установкой на эффект. Он не боится показаться омерзительным, пошлым, заурядным, смешным.

На наш взгляд, стоит обратить внимание на тот момент, в котором герой восклицает в порыве отчаяния: «Мне не дают... Я не могу быть... добрым!». В данной кульминационной сцене подпольный человек искренен

²¹ Ф.М. Достоевский: *Собрание сочинений в 10 томах...*, с. 237.

²² Р.Г. Назиров: *Творческие принципы Достоевского...*

до предела. Выясняется, что он не «самый гадкий», а просто человек, измученный страхом и одиночеством в этой бессмысленной жизни, в которой «[...] не дают быть добрым» объективные обстоятельства социальной действительности, «война всех против всех».

В прозе Пильха страх перед жизнью также порожден окружающим миром. Миром, наполненным смертью («[...]если бы здесь на полу — да, на этом самом полу уложить всех моих соотечественников, которые скончались за истекшие сутки в результате повреждения бедренной артерии, я бы просто не смог встать с кресла»²³), миром, в котором люди истребляют друг друга, примирились со смертью (свидетельством этому утверждению является телевизионный диалог), миром «[...] с извечным трупным запахом медицины». Стремление уйти в подполье, добровольная изоляция, принципиальный отказ от участия в истории — это не отвращение к окружающему, не пренебрежение к людям (ведь о поляках он говорит «мой народ»), это, скорее, инстинкт самосохранения пильховского героя. Его нора — это «больница», «санаторий», «амбулатория», «послеродовая палата», «поликлиника», «вытрезвитель», «детоксикация», «реанимация», «наркологический диспансер»²⁴. Перечисление медицинских институтов (Мишель Фуко), позволяет интерпретировать подполье как место вызывающее к жизни; место, способное исцелить раненое внешним миром Я. Оба героя видят выход в сознательной изоляции от общества, в полном неучастии в окружающей среде действительности. Желание свободы, свободного выбора, беспрепятственного хотения — еще одно объединяющее звено всех трех героев. В *Записках...* героем как будто бы дается импульс:

Свое собственное хотение, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, — вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под одну классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту²⁵.

Однако развитие хода действий текста Достоевского позволяет исследователям утверждать, что проповедь свободы воли парадоксалистом это своего рода выступление «за свободу от выбора, от обязывающих решений»²⁶. Он свободен только в своей скорлупе, выход на поверхность доказывает, что «[...] свобода предполагает ответственность, тогда как

²³ Е. Пильх: *Монолог из норы...*

²⁴ *Ibidem*.

²⁵ Ф.М. Достоевский: *Собрание сочинений в 10 томах...*, с. 134.

²⁶ В.Н. Белополюский: *Достоевский и философская мысль его эпохи*. Ростов-на-Дону 1987, с. 112—116.

подпольный человек требует безответственности: отсюда его страх перед настоящей свободой, перед выбором и действием»²⁷.

В тексте Ерофеева появляются слова Венички: «Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему. Если хочешь идти направо — иди направо» — они свидетельствуют о защите свободы воли, собственного хотения. При этом у героя отсутствует страх перед действием, в отличие от героя Достоевского. Давид Мартин констатировал: герой Достоевского «[...] во многом только книжник и теоретик, тогда как второй [Веничка] с успехом воплощает в эту жизнь то, что у подпольного человека Достоевского намечено только теоретически»²⁸. По сути, он является тем воплощением джентльмена из *Записок*: «[...] с ретроградной и насмешливой физиономией»:

[...] который готов столкнуть «все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом», и сделать это по той причине, что человеку в мире благоразумия — в мире Кремля, например — нужны свое собственное хотение и свой каприз²⁹.

Стоит подчеркнуть, что подполье Венички скорее внутреннее. Его создает постоянное алкогольное одурение, именно в глубинах этого душевного подполья герой находит простор для утверждения собственного я, своей воли и власти над мировыми законами. Это подтверждается примером вызова мирозданию и его железным законам. В восемнадцатилетнем возрасте Веничка заметил, первые пять стаканов водки делали его сильнее, после чего следовал упадок сил, «[...] от десятой смежало глаза неодолимо». Решение оказывается простым — «одним махом»:

[...] если вы уже выпили пятую, вам надо и шестую, и седьмую, и восьмую, и девятую выпить сразу, одним махом — но выпить идеально, то есть выпить только в воображении. Другими словами, вам надо одним волевым усилием, одним махом — не выпить ни шестой, ни седьмой, ни восьмой, ни девятой³⁰.

Такой протест Венички интерпретируется по Мартину как:

[...] («одним волевым усилием») против «законов природы» чувствуется пропагандируемое подпольным человеком «хотение», в котором проявляется жизнь «со всеми почесываниями», жизнь, которая, хотя и в этом

²⁷ Р.Г. Назиров: *Творческие принципы Достоевского...*

²⁸ Ф.М. Достоевский: *Собрание сочинений в 10 томах...*, с. 107.

²⁹ В.В. Ерофеев: *Москва-Петушки...*

³⁰ Ibidem.

проявлении выходит зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлечение квадратного корня³¹.

Герой *Монолог из норы* также заимствует принцип бытия «подпольного человека» — «выгодную выгоду». Его хотение — наброситься на Граху Петербург и выпустить ей кровь:

Не подумайте чего: я прекрасно к ней отношусь... и тем не менее время от времени испытываю острое желание на нее наброситься...³²,

Это страстное утверждение подчеркивает потребность в «собственном, хотя бы самом диком капризе». Герой Пильха был пассивен в любой ситуации (исторической, общественной, личностной), больше он не намерен ждать: «Фиг вам, не надейтесь!»³³.

Можно найти аналогию между персонажами Ерофеева и Пильха, называя их высказывание алкогольным бредом-болтовней — однако подпольный человек Достоевского — парадигма для текстуальных героев — сказал о себе:

О господя, ведь я, может, потому только и считаю себя за умного человека, что всю жизнь ничего не мог ни начать, ни окончить. Пусть, пусть я болтун, безвредный, досадный болтун, как и все мы. Но что же делать, если прямое и единственное назначение всякого умного человека есть болтовня, то есть умышленное пересыпание из пустого в порожнее³⁴.

Герои Достоевского, Ерофеева и Пильха во многом имеют похожее философское мироощущение, сходный образ жизни (сознательный выбор — изолированность), отличительную манеру поведения (разврат, пьянство).

Сопоставляя персонажей Достоевского и Ерофеева стоит констатировать, что между ними словно пропущено некое звено, которое показало бы постепенную эволюцию «парадоксалиста» в Веничку: «Духовное развитие Венички достигло более высокого уровня» — по Мартину³⁵. Между подпольным господином, который замыслил и осуществил тяжчайшее из «мыслепреступлений» — «убийство Бога», и «[...] подпольным гражданином по имени Веничка, который воскресил в себе Бога, успевшего к тому

³¹ Д. МАРТИН: *Подпольные элементы в «Москве-Петушках» Венедикта Ерофеева*. http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_1995_num_67_2_6268 [доступ: 6.04.2014].

³² Е. ПИЛЬХ: *Монолог из норы...*

³³ Ibidem.

³⁴ Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ: *Собрание сочинений в 10 томах...*, с. 132.

³⁵ Д. МАРТИН: «Подпольные» элементы в «Москве-Петушках» Венедикта Ерофеева...

времени умереть для большинства его сограждан»³⁶: словно потерялся герой, способный показать эту эволюцию.

Монолог... Пильха написан в 1996, то есть его герой по времени завершает рассматриваемую нами цепочку подпольных людей. Однако, на наш взгляд, целесообразно поставить его между героями русских писателей. Мы заметили, что герой Достоевского увлекается больше развратом, чем пьянством. Веничка же пьет непрерывно. Как написал один из критиков:

[...] алкоголь — стержень, на который нанизан сюжет Ерофеева. Его герой проходит все ступени опьянения — от первого спасительного глотка до мучительного отсутствия последнего, от утренней закрытости магазина до вечерней, от похмельного возрождения до трезвой смерти. В строгом соответствии этому пути выстраивается и композиционная канва³⁷.

Веничка — человек сдержанный, он не похваляется развращенными действиями, именно духовное превосходство отличает его от героя Достоевского:

[...] случалось... делать такие неприглядные деяния, такие, которые...ну, да, одним словом, которые хоть и все, пожалуй делают, но которые, как нарочно, приходилось у меня именно тогда, когда я наиболее сознавал, что их совсем бы не надо делать³⁸.

Герой Пильха стремится совершенствовать свою человечность, развить принципы поведения, но его деликатность, благородность, скорее, напускные, неискренние; они ближе к кривляниям парадоксалиста, чем к честным поступкам Венички:

[...] человек, которого уличили в том, что он потрафляет самым низменным своим инстинктам, имеет право — да нет же, это его священный долг! — возмущаться, отнекиваться и отпираться. Обман — пусть даже самообман — в данном случае способствует облагораживанию и даже одухотворению плотской материи. Вдобавок этого требуют правила хорошего тона. Неписанный закон *savoir-vivre* гласит: отправляясь в бордель, надевай ничего не выражающую маску парламентского обзревателя³⁹.

³⁶ В.А. Бачинин: *Петербург — Москва-Петушки, или «Записки из подполья»...*

³⁷ А. Генис: *Благая весть. Венедикт Ерофеев. «Звезда» 1997, № 6.* <http://kirovsk.narod.ru/culture/ludi/erofeev/articles/genis.htm> [доступ: 26.05.2014].

³⁸ Ф.М. Достоевский: *Собрание сочинений в 10 томах...*, с. 313.

³⁹ Е. Пильх: *Монолог из норы...*

Обращаясь к эпизоду из *Записок...* герой прозы Пильха замечает:

[...] некоторые джентльмены, даже оказавшись в известной ситуации, старательно облагораживают ее словоизвержением. Голая трудяга уже лежит в постели, а они стоят над ней и произносят долгие, выпрненные и зачастую проникнутые праведным возмущением тирады ... И это хорошо⁴⁰,

— подтверждая тем самым, что стремление сохранить в себе достоинство, пусть даже для литературности, преобладает над настоящей скромностью, настоящей жизнью. Тот факт обозначает, что кривляния и баловство, которым придается парадоксалист являются основой поведения для героя Пильха. По сравнению с ними Веничка стоит на более высокой духовной ступени, ему чуждо озлобленное кривляние, он не совершает литературных поступков, его поведение — стоит назвать балагурством.

Герой *Монолога...* не проявляет подобного уровня ненависти к человеку, той крайней степени индивидуализма и всеобъемлющей злости ко всему окружающему. Он способен любить и принимает в свою жизнь падшую женщину.

Тема алкоголизма отсутствует в *Записках...*, но соединяет тексты Ерофеева и Пильха. Подпольный человек Достоевского носитель других пороков, он циник, развратник, но не алкоголик. Пильх реконструировал образ подполья, вводя тематику алкоголизма⁴¹. В тексте Ерофеева Веничка шокирует выбором авторских коктейлей, герой Пильха — видами похмелья:

Отходняк-голодень, отходняк-сухостой, отходняк-трусиска, отходняк-людоед, отходняк-снега Килиманджаро, молитвенный отходняк, отходняк — герой труда, отходняк колотун, 928-метровый отходняк, прикидный отходняк, отходняк-задира, отходняк — довольствуйся малым, отходняк — новая жизнь, отходняк-соня, отходняк вечный соня, отходняк — укронная норка, лисья, мышья нора...⁴²

Агнешка Ощецка констатировала, что описание видов похмелья (ровно как и описание карточек со знаменитыми разновозрастными парами) нацелена развеселить читателя⁴³. *Монолог из норы* пропитан юмором и иронией, его монолог схож с Веничкиным и представляет собой нетрезвую болтовню: фразы нелогичны, мысли перескакивают с одного на другое. Описание проявлений похмелья, рассуждения о его сущности в прозе

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Тема фреквентивна в прозе Ежи Пильх.

⁴² Ibidem.

⁴³ А. ОСИЕСКА: *Jama w Jamie*. „Ex Libris”, 1996, nr 96, s. 24.

Пильха аналогично описанию напитков и рассуждениям об икоте в тексте Ерофеева. В «пьяных» монологах, однако, содержится глубокий философский подтекст. Размышления об икоте (метафора жизни с ее непредсказуемостью) тождественны идеи похмелья:

Похмелье, усугубляя муку существования, все же проходит, то есть уменьшает муку существования... тот, кто не хочет в жизни стоять на месте, а также стремиться непрестанно улучшать свое самочувствие, должен пребывать в состоянии перманентного отходняка⁴⁴

— для героя Пильха похмелье также становится метафорой жизни, только с тем различием, что он облегчает чувство боли существования, когда пустота и хаос заполняют человека изнутри.

Записки из подполья Достоевского — предвестие литературной антропологии XX века, новый этап в исследовании человеческой души, Достоевский обратил свое внимание на глубинные стороны человеческой психики⁴⁵. Углубленная рефлексия, разрушение прежних смыслов и основ существования — отличительные черты его прозы. Лев Шестов, анализируя *Записки*, констатировал:

«всякий, кто пытается взглянуть на жизнь иначе, нежели этого требует современное мировоззрение, может и должен знать, что его зачислят в ненормальные люди⁴⁶».

Подполье — это трагедия, болезнь, разрывающая душу на части. Это осознание невозможности начать новую жизнь, это осознанный выбор быть «оставленным». Потеряв веру в цивилизацию, прогресс и будущее, человек осознает при этом ничтожность своей личности. Именно на этой почве возникает мучительная, отчаянная, но очень искренняя мысль “чтоб свет провалился, а мне всегда чай пить!” Отсутствие подполья в человеческой душе — ложь, лицемерие, фальшь.

---

⁴⁴ Е. Пильх: *Монолог из норы...*

⁴⁵ Ср. «[...] если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, но даже и то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то на свете поднялся бы такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться». В: Ф.М. Достоевский: *Униженные и оскорбленные*. Москва 2012, с. 364—365.

⁴⁶ Л.И. Шестов: *Достоевский и Ницше (Философия трагедии)*. Санкт-Петербург 1903. <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest07.htm> [доступ: 16.12.2014].

IRINA TITOVA

The Underground As a Sore State Of Soul

Summary

This article discusses the peculiarities of the human perception of the world in the underground. The focus of attention is the spiritual underground which is a link in the following three works — *Notes from Underground* by F. Dostoyevsky, *Moscow-Petushki* (also published as *Moscow to the End of the Line*) by V. Erofejev and *Monologue from a foxhole* by J. Pilch. The author considers the image of the underground and points out similarities and differences in the psychological and behavioral complex of the three characters. She analyses the peculiarities of the form of construction of each work and its direct connection to the content. On the bases of the analysis, the author of the article indicates the reasons which make each character go to the spiritual underground and concludes that the metaphorical image created by Fyodor Dostoevsky has a great impact on the modern literature.